

<p>Ленсмент Анжелика, магистр, лектор Института международных отношений Таллиннского технологического университета, г. Таллинн, Эстония, аспирантка кафедры философии и методологии науки, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Русская диаспора в Эстонии: кризис идентичности.</i></p>
--	--

РУССКАЯ ДИАСПОРА В ЭСТОНИИ: КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Ленсмент А.

Институт международных отношений
Таллиннского технологического университета

После распада Советского Союза представители русской этнокультурной общины в Эстонии резко изменили свой статус: из представителей русскоязычного большинства в СССР, относящегося к титульной нации, они стали меньшинством в независимой Эстонии.

Кроме того, с момента присоединения Эстонии к СССР и до восстановления независимости, русская диаспора в Эстонии имела в основном опыт сегрегированного сосуществования с представителями аутохтонной группы. Все эти проблемы с неизбежностью ставили перед вопросом самоопределения себя в новых условиях, перед поиском новой идентичности.

В исследованиях Тишкова, Симоняна, Саар, Якобсона, Вихалемма, Калмус и др. отмечается, что в начале 90-х русские переживали ощутимый дискомфорт, связанный с психологической реакцией на новый статус [1, с. 110-124]. Если в Западной Европе большая часть постсоветских эмигрантов была нацелена на ассимиляцию [2], то в Эстонии, в силу неожиданного для многих быстрого изменения статуса представителя титульной нации на статус эмигранта, большая часть русскоязычной этнокультурной группы вначале была настроена на сегрегацию. Тем более, что кроме шока от неожиданности перемены статуса были и другие веские причины: незнание эстонского языка и принятое в наследство от царской России и культивированное в Советское время высокомерное отношение представителей русской культуры к представителям других культур. [3, с. 200]. Многие русские в Эстонии не смогли справиться с ситуацией и до сих пор. По мнению тартуских социологов «воспроизводство социальной депривации среди меньшинства уже является частью процесса

культурного воспроизводства» [4, с. 112]. Отмечается формирование признаков негативной этнической идентичности, при которой собственная национальность рассматривается как помеха в социальной адаптации: «Русские в основном убеждены в том, что этническая принадлежность играет решающую роль в продвижении в эстонском обществе. Это объясняет ситуацию, однако также может служить барьером, который не позволяет людям пытаться вступать в новые отношения и социальные сети» [4, с. 112].

В то же время исследователи отмечают, что в настоящее время уровень адаптации русской диаспоры в странах Балтии существенно повысился. Согласно данным Симоняна русская община в значительной степени адаптировалась. В наибольшей степени это касается молодых людей, выросших в Эстонии. Они, по мнению Симоняна «отличаются от своих российских сверстников деловитостью, практичностью, трудолюбием. ...Они с самого начала не могли рассчитывать на чью-либо помощь и были поставлены в условия жесткой борьбы за выживание. ...Здесь их называют "еврорусскими"... Их меньше интересует проблема самобытности, в их мироощущении определяющую роль играет не столько национальное, сколько региональное сознание, т.е. социально-психологический феномен объединения людей не по этническому, а по территориальному признаку» [5, с. 52]. Однако, по мнению В. Якобсона говорить о формировании нового идентитета «еврорусских» несколько преждевременно [6]. Многочисленные исследователи, занимавшиеся изучением формирования идентичности русскоязычных в Эстонии, сходятся во мнении о наличии множественности идентичностей, которые не вступают в конфликт, а дополняют друг друга.

В структуре идентичности выделяются два взаимосвязанных аспекта – социальный и личностный. Составная часть социальной идентичности- этническая идентичность. Этническая идентичность отражает осознание своей принадлежности к определенной этнической общности и, связанной с ней, определенной культуре. Характеризуя используемые стратегии адаптации, Якобсон отмечает, что большая часть русских в Эстонии рассчитывает на себя, а идентичность с определенной культурой играет в их жизни гораздо меньшую роль, чем стремление к достижению личностного развития [6]. Это соответствует современным мировым тенденциям, заключающимся в том, что «многообразие и относительность современного мира определяют провозглашаемую индивидуальность

идентичности, стремящейся найти опору в себе и своей субъективности» [7].

Можно предположить, что и для русских в Эстонии кризис идентичности разрешается не столько за счет причисления себя к группе русских или «еврорусских», сколько за счет актуализации личностной идентичности. В этом случае субъективная психологическая значимость межэтнических отношений снижается, что позволяет выйти из ситуации межгруппового сравнения и межгруппового противопоставления. Согласно Тэджфелу [8] повышение самооценки может быть достигнуто как за счет идентификации с хорошей и сильной группой, так и за счет акцентирования индивидуального своеобразия и сравнения себя с другими не по групповой принадлежности, а по индивидуальным признакам, что актуализирует личностную идентичность: «человек будет прибегать к межгрупповым формам поведения (актуализируя социальную идентичность), если это кратчайший путь к достижению позитивной самооценки. Если же он может достичь ее на уровне межличностного общения (актуализируя личностную идентичность), ему нет нужды переходить к противоположным формам поведения данного континуума» [9, с. 136].

Следовательно, можно предположить, что для эстонских русских индивидуальные достижения выступают более эффективным средством повышения самооценки, чем опора на социальную идентичность. Соответственно, в восприятии этнического большинства значимым становится не групповая принадлежность, но индивидуальные особенности. В этом случае нет необходимости поднимать самооценку за счет дискриминации группы сравнения. Наличие личностной идентичности предполагает, что представители титульного этноса не воспринимаются как члены группы, по отношению к которой выстраивается противопоставление «мы – они», и потому не вызывают враждебного отношения. Исследование, проведенное автором совместно с Е. Улыбиной и И. Ахмет подтвердило, что актуализация личностной идентичности в межэтническом восприятии среди представителей русской диаспоры в Эстонии связана с особенностями базовых убеждений личности относительно себя и окружающего мира [10, 11].

Т. Вихалемм и В. Калмус в своем исследовании также приходят к выводу, что «самые молодые поколения русских и эстонцев в значительной мере похожи друг на друга. Статистически значимая разница между молодыми людьми из данных этнических групп существует только

в отношении двух ментальных структур: молодые эстонцы больше придерживаются шаблона «адаптивность и воссоздание социального капитала», тогда как молодые русские – «глобальная ориентация и эмансипация» [4, с. 111].

Таким образом, не стремление к усилению этнокультурной идентичности, не национальная, а глобальная культурная индустрия, глобальная ориентация и эмансипация в значительной степени будут влиять на ментальность представителей русской диаспоры в Эстонии.

Литература

1. Тишков, В. А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) / В. А. Тишков // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 6. – С. 110-124.
2. Маховская, О. И. Соблазн эмиграции / О. И. Маховская. – М., 2003.
3. Ленсмент, А. Жизнь в эмиграции: социально – психологические черты сознания постсоветского эмигранта / А. Ленсмент // *Audentese Ülikooli Toimetised*. – Nr. 7, 2005.
4. Вихалемм, Т. Калмус В. Дифференциация ментальностей основных этнических групп в Эстонии / Т. Вихаллем, В. Калмус // *Социологические исследования*. – 2008. – № 5. – С. 104-114.
5. Симонян, Р. Х. Перемены в массовом сознании российской диаспоры / Р. Х. Симонян // *Психологический журнал*. – 2004. – том 25. № 2.
6. Якобсон, В. Русскоязычные как часть населения Эстонии: 15 лет спустя / В. Якобсон // *Мир России*. – 2006. – Т. XV. № 4. – С. 143-170.
7. Степанович-Захариевская, Д. Актуальность исследования идентичности в условиях общественной трансформации на Балканах / Д. Степанович-Захариевская // *Социологические исследования*. – 2008. – № 5. – С. 99-104.
8. Tajfel, H. Individuals and groups in social psychology / H. Tajfel // *Brit. J. Soc. and Clin. Psychol.* – 1979. – V. 18.
9. Павленко, В. Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии / В. Н. Павленко // *Вопросы психологии*. – 2000. – N 1. – С. 135-141.
10. Улыбина, Е. Объективные и субъективные факторы отношения этнического меньшинства к этническому большинству / Е. Улыбина, А.

Ленсмент, И. Ахмет // Журнал Высшей Школы Экономики. – 2010. – 6(4). – С. 94-102.

11. Улыбина, Е. Связь базовых убеждений с отношением к представителям аутгруппы на примере отношения русских к эстонцам / Е. Улыбина, А. Ленсмент, И. Ахмет // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2009. – 2(18). – С. 138-151.